

Габдуллин Ильдар Рустамович

ПОНЯТИЯ "ПРЕДРАССУДОК" И "СУЕВЕРИЕ" В РЕЛИГИОЗНО-РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматриваются понятия "предрассудок" и "суеверие" как неотъемлемые элементы ментальности Средневековья, приводятся различные оценки средневекового общества разных авторов. Предпринимается попытка выявить существенные различия в смысловых характеристиках анализируемых понятий на основе различных историко-философских источников, включая теологический дискурс.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/8.htm

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 38-40. ISSN 1997-292X

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 165.63/141.31

Философские науки

В статье рассматриваются понятия «предрассудок» и «суеверие» как неотъемлемые элементы ментальности Средневековья, приводятся различные оценки средневекового общества разных авторов. Предпринимается попытка выявить существенные различия в смысловых характеристиках анализируемых понятий на основе различных историко-философских источников, включая теологический дискурс.

Ключевые слова и фразы: предрассудок; суеверие; Средневековье; религиозный рационализм; традиционализм.

Габдуллин Ильдар Рустамович, к. филос. н., доцент

Оренбургский государственный университет

i.gabd@yandex.ru

ПОНЯТИЯ «ПРЕДРАССУДОК» И «СУЕВЕРИЕ» В РЕЛИГИОЗНО-РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ[©]

Средневековое сознание иногда характеризуется как сознание, детерминированное глубоко укоренившимися предубеждениями. Одной из возможных причин такого взгляда является, по нашему мнению, то, что и «наше представление о средних веках – пожалуй, больше, чем о других периодах истории, – искажено предубеждениями. Иногда оно чересчур мрачное, иногда слишком возвышенное. Не сомневавшийся в себе XVIII век считал Средневековье просто варварством – для Гиббона люди того времени были —грубыми предками». Реакция на французскую революцию породила романтическое восхищение абсурдом, которое обосновывалось тем, что разум привел к гильотине» [7, с. 61]. Обе возникающие при этом жизненные картины Средних веков могут быть признаны верными, если они не упускают из виду друг друга, но «каждая становится неверной, если рисовать лишь ее, закрывая глаза на другую» [11, с. 44].

Термин «темные века» в настоящее время вытесняется более нейтральным термином Раннее Средневековье и соответствует периоду до X в. н.э. Поэтому точка зрения, распространяющая значение первого термина на весь период в качестве «общего взгляда», правомерна только в определенном кругу, объединяемого просвещенческо-рационалистической интеллектуальной традицией. В соответствии с базовыми ценностями этой традиции – личная свобода и социальная справедливость – особо выделялись для характеристики Средневековья «отсутствие личной свободы, эксплуатация массы населения незначительным меньшинством, узость взглядов, при которой даже крестьянин из соседней деревни – не говоря уж об иностранце – казался горожанину подозрительным и опасным чужаком, а также всеобщее невежество и власть предубеждений» [Там же, с. 43].

Поскольку предубеждения были провозглашены неотъемлемыми элементами в целом негативно оцененной системы, то и предубеждение получил соответствующий статус. Показательно, что само слово «предубеждение» этимологически является детищем эпохи Просвещения и как бы специально создан в качестве рационализированного аналога понятия «суеверие». Дело в том, что необходимо было выработать более точное понятие для обозначения конкретного вида заблуждений, а именно религиозных, то есть тех, которые наиболее яростно противостояли (по мнению просветителей-рационалистов) проникновению идеалов личной свободы и «света разума» на исходе Средневековья. В эпоху Возрождения это уже проявилось как скрытая тенденция, а в Новое время стало насущной потребностью – к этому времени церковь почти лишилась одного из своих главных аргументов – метода физического устранения идеологических противников. В то же время, церковь, как открытый выразитель религиозного сознания, с развитой системой рационального обоснования основ религии, всегда дистанцировалась от суеверий, выражающих, по мнению священнослужителей, именно массовое невежество, ложное знание, отход от истины.

Средневековая философия, следуя статусу *ancilla theologiae*, также полагала, что «любая форма новаторства считается признаком суетной гордыни, отступлением от архетипа, значит, и от истины» [6, с. 10]. Поэтому упрекать теологов как своих оппонентов в наличии у них суеверий было бы не совсем действенным аргументом, а вот введение слова «предубеждение» пришлось очень кстати. Таким образом, активное использование понятия суеверия в определенном смысле стимулировало и возникновение термина «предубеждение». По мнению П. А. Флоренского, само слово суеверие, будучи «сравнительно отвлеченным понятием и пущенным в житейский обиход», в то же время, много значило для формирования взгляда на мир. Но, как и большинство такого рода слов, «обычно постигает одна судьба: они стираются, обесцвечиваются, и, в конце концов, их начинают употреблять почти без какого-нибудь определенного, уловимого содержания» [9, с. 88].

Но средневековая цивилизация никогда не оценивалась только как «темное время», более того, даже когда признавалось господство предубеждений в средневековом обществе; – даже в этом случае вместе с позитивной оценкой роли традиции, получали свою долю позитивности и предубеждения. Теоретическое обоснование такой поход получил в рамках традиционализма и консерватизма. Известный польский исследователь традиции Е. Шацкий, противопоставляя «утопистов» и «традиционалистов», отмечает общий аспект: антагонисты в этом споре были согласны в одном – традиция, есть синоним предубеждения, обычая или вообще

тех уровней общественной жизни, в которые не проникла и не может проникнуть рефлексия [13, с. 224, 226, 340]. Соответственно для утописта-рационалиста важно было перешагнуть «предрассудок» на пути к исключительному господству «Разума»; для традиционалиста же главным было показать, что устранение «предрассудков» означает деградацию общества. Исходя из таких посылок, представители такого течения как консерватизм подвергли критике представление о революции как о чем-то рационально организованном и спланированном в соответствии с абстрактными принципами.

Определяя основополагающий принцип средневековой ментальности, П. Сорокин называл его *религиозным рационализмом* [8]. В свою очередь, религиозный рационализм, достигший своего расцвета и превзойденный (в так называемом «идеалистическом рационализме» по терминологии П. Сорокина) в средневековом схоластическом дискурсе, способствовал формированию особого слоя, специфической черты средневекового мировоззрения в целом. Эту черту Я. Буркхард метафорически назвал «покрывалом» средневекового самосознания эпохи, сотканном «из бессознательных верований, наивных воззрений и предрассудков» [2, с. 157].

Другим следствием преобладания предрассудочного сознания явился тот факт, что на протяжении всего периода Средних веков (за исключением столетий, непосредственно предшествующих Эпохе Возрождения) наблюдалась очевидная стабильность и даже некоторая гармоничность сознания. Особенно характерно это было для периода Раннего Средневековья (VI-XII вв.), ставшего действительно эпохой «непоколебимой, несомненной, абсолютно надежной веры. Не было ни сомнений, ни неуверенности, никакой внутренней дисгармонии и никакого конфликта в душе. Не было дуализма: с одной стороны – религии, с другой – наука и философия» [8, с. 335].

Действительно, основополагающим идеалом средневековья служила формула *credo ut intellegam et intellego ut credam* – «верь, чтобы понимать; понимай, чтобы верить». Руководствуясь этим принципом, религиозный рационализм последовательно борется с «ложными верованиями» – суевериями, в то же время всячески отстаивает «истинные верования». Поскольку определение критериев истинности признается прерогативой лишь «высших», «божественных» сфер, не постигаемых «земным разумением», то в период раннего Средневековья многие правители (надо отдать им должное) поступали в духе религиозных догматов и, в этом смысле, вполне рационально, последовательно. Если определенные магические действия считать суеверием, то есть «ложным верованием», то и колдуны, и ведьмы по этой логике просто не должны существовать.

Следующий аспект в понимании смысла предрассудка раскрывается в сравнении со словом «суеверие». Последователи монотеистических религий, особенно в период их становления, зачастую объявляли любую другую религию «еретическими» отклонениями в рамках «подлинно истинной» (православной, по возникающей уже в раннем христианстве терминологии) ортодоксальной веры суеверием, то есть ложным верованием (верой *всуге*).

Но позднее меняется само отношение к понятию «суеверие». Теперь это уже не просто ложное мнение, знание, а нечто, имеющее вполне практическое следствие в результате действия вполне конкретной реальной силы. Так, в небезызвестной книге «Молот ведьм», выразившей официальную позицию Римской католической церкви XV в. (булла Иннокентия VII), констатируется «14 видов суеверий согласно троякого рода прорицаний», среди которых называются волшебство, гадания, жребий и «другие более мелкие суеверия». В понятие суеверия теперь вкладывается не собственно гносеологическая характеристика, а, скорее, ценностная, то есть как «наименьшее зло», явно уступающее «позорным поступкам ведьм» [14, с. 158].

Но сходную тенденцию можно обнаружить и в средневековой интеллектуальной, университетской среде. Так, ни кто иной, как Роджер Бэкон, «певец экспериментального метода» (как назвал его А. де Либера [5, с. 212]), отстаивал теоретическую необходимость и практическую полезность астрологии, настаивая на включении ее в новую университетскую программу обучения. Дело в том, что так называемая «свободная астрология» средних веков была разновидностью астрономии (в современном понимании) и включалась (в средние века) в состав «науки математики в собственном смысле слова – наряду с арифметикой, геометрией и музыкой» [Там же, с. 214]. В то же время у Роджера Бэкона выделяются два рода математики, из которой одна признается истинной как часть философии, а другая ложная или «магическая»: «Итак, [ложная] математика есть вторая часть магического искусства. И она присваивает себе [право] на исследование небесного; исследование, искаженное по причине использования различных магических формул, заклятий, заговоров, суеверий, связанных с жертвоприношениями, и обманов. И она утверждает, что все происходит по необходимости – в соответствии с [влиянием] сил констелляций <...> Но эта математика осуждена не только святыми и философами, как пишет Исидор в трактате *Астрология*, утверждая, что одна часть астрономии, то есть связанная с магией, является суеверием, и называется ложной математикой» [3, с. 254-255]. Ален де Либера назвал такую математику «математикой предрассудка» [5, с. 213]. В период становления христианского средневекового мировоззрения предрассудок, в современном понимании этого слова, выступил защитным механизмом от рационалистической критики «языческой» философии, которая, зачастую, рассматривала христианство «как всего лишь» суеверие или невежество. Надо отметить, что в современной полемике религиозного рационализма и рационализма атеистического, там, где последний претендует на «всеведение разума» и отстаивающего в этой связи механистический детерминизм, его религиозные оппоненты всегда обращают внимание на «слабость и ограниченность человеческого ума». Современные исследователи, изучающие ценностный дискурс в науке и теологии, отмечают здесь некоторые позитивные моменты в религиозной позиции, особенно в «сопоставлении с постмодернистским агностицизмом, отрицающим саму возможность отличить истину от заблуждения, добро от зла» [12, с. 44].

Но и для религиозного рационализма (не только для средневекового) в лице схоластики, не чужда некая «предрассудочность». Так, даже в названии богословского труда XVII века, автором которого является

П. Николь (один из соавторов знаменитого труда по логике вместе с А. Арно) можно встретить позитивный оттенок в употреблении слова «предрассудок»: «Préjugés légitimes contre les Calviniste» – «Законные предрассудки против кальвинистов» [15]. Точка зрения, согласно которой предрассудок может выражать позитивный смысл (ценность) имеет право на существование, по крайней мере, в определенных условиях.

Гегель использует понятие рациональности, усматривая последнюю и в рассудке (низшая рациональность – обыденная и научная) и в разуме (высшая рациональность – философская), подчеркивая, что для «конечного рассудка» рациональность разума представляется иррациональностью [4, с. 367-368]. Показательно, что эту же мысль Гегель проводит в связи с анализом онтологического доказательства Ансельма Кентерберийского [Там же, с. 381-382], положительно отзываясь о нем, в отличие от скептического отношения Канта к этому же аргументу.

Если понимать предрассудок в своем буквальном значении, то есть как *преддверие рассудка*, но рассудка человеческого в противоположность рассудку божественному, то таким преддверием могла выступать только «истина веры» (Фома Аквинский) [10]. Религиозное толкование тех феноменов, которые мы называем *предрассудками*, может быть понято как отнесение его к сфере «высшего, божественного Разума», а предрассудки в обыденном, «суетном» рассудке, есть нечто неполноценное, олицетворение невежества, и название для которого подбирается соответственное – суеверие. Сходную ситуацию анализирует Е. В. Бакеева, выделяя для Средних веков основополагающее противоречие между трансцендентностью бытия и необходимостью опереться на прочный фундамент знания. При этом вполне обоснованно, на наш взгляд, отмечается, что указанное противоречие представляло собой «своеобразный средневековый вариант феноменологической редукции», когда человек, абсолютно некритически принимая знание, парадоксальным образом от него освобождается, получая тем самым возможность «прорыва» к состоянию веры» [1, с. 26].

Таким образом, сложившаяся смысловая дифференциация между элементами сознания, которые можно было бы отнести к предрассудку или суеверию, отражала реально сложившуюся ситуацию, требующую соответствующую терминологическую дифференциацию для понятий *предрассудка* и *суеверия*. Хотя такая дифференциация была формально-терминологически закреплена лишь в Новое время, она была подготовлена предшествующим развитием рационального дискурса Средневековья. Последнее обстоятельство дает дополнительный аргумент для целенаправленного осмысления интеллектуального наследия Средневековья, для лучшего понимания и применения таких терминов как «суеверие» и «предрассудок», несомненно, значимых в ментальности современного человека.

Список литературы

1. Бакеева Е. В. Парадокс разума: Лютер, Эразм и спор о свободе воли // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 26-29.
2. Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб.: Типо-лит. Герольд, 1904. Т. 1. XXIII+427 с.
3. Бэкон Р. Избранное. М.: Изд-во Францисканцев, 2005. 480 с.
4. Гегель В. Ф. Г. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. Наука логики. 452 с.
5. Либера де А. Средневековое мышление. М.: Практика, 2004. 368 с.
6. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М.: Мысль, 1979. 431 с.
7. Рассел Б. Жизнь в средние века // Почему я не христианин. М.: Политиздат, 1987. С. 61-64.
8. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
9. Флоренский П. О суеверии // Философские науки. 1991. № 5. С. 87-107.
10. Фома Аквинский. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. М.: ИФ РАН, 2001. 206 с.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
12. Шахов М. О. Знания о мире и духовно-нравственные идеалы: существует ли взаимосвязь? // Ценностный дискурс в науках и теологии. М.: ИФРАН, 2009. С. 36-55.
13. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
14. Шпренгер Я., Инсистерсис Г. Молот ведьм. Саранск: СП «Норд», 1991. 352 с.
15. Nicole P. Préjugés légitimes contre les Calviniste. Cambridge (Mass.): Omnisys, 1990.

CONCEPTS “PREJUDICE” AND “SUPERSTITION” IN RELIGIOUS-RATIONALISTIC DISCOURSE OF THE MIDDLE AGES

Gabdullin Il'dar Rustamovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Orenburg State University
i.gabd@yandex.ru

In the article the concepts “prejudice” and “superstition” are considered as the integral elements of the Middle Ages mentality, various assessments of the medieval society by different authors are given. The author of the paper tries to reveal the essential distinctions in the semantic characteristics of the analyzed concepts on the basis of different historical and philosophical sources including theological discourse.

Key words and phrases: prejudice; superstition; the Middle Ages; religious rationalism; traditionalism.